

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

Религиозные интуиции в лирике Игоря Чиннова

Аннотация. В статье предпринят опыт анализа и систематизации религиозных мотивов в стихотворениях Игоря Чиннова в соотнесении с формами самовыражения его лирического «я» и эволюцией художественной манеры поэта.

Ключевые слова: Игорь Чиннов, религиозные мотивы, лирический герой, поэтический стиль

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

Religious Intuition in Igor Chinnov's Poetry

Abstract: The article studies and systematizes religious motifs in Igor Chinnov's poems. A correlation is drawn between the expression of Chinnov's lyrical self and the evolution of his poetic style.

Key words: Igor Chinnov, religious motifs, lyrical hero, poetic style

Творчество Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) стало примечательным явлением в поэзии Русского зарубежья второй половины века. В новейших исследованиях описаны этапы творческого пути поэта, многие биографические обстоятельства, контуры образной системы его лирики в соотнесении с традициями Серебряного века, эстетикой «парижской ноты»...¹ Перспектива углубленного изучения поэтического мира Чиннова сопряжена, в частности, с осмыслением сквозных для его стихотворений разных лет религиозных интуиций, отражающих направления внутренних поисков лирического «я», трансформации авторской художественной манеры.

В начальной книге стихов «Монолог» (1950) интуиции о надмирном бытии запечатлеваются в лирических миниатюрах, построенных на парадоксальном наложении далеких образных планов («Еще почти прозрачная Луна – // Как оду-

¹ *Большачев И.И.* Творческий путь Игоря Чиннова: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999; *Ковальчук С.* «И мелкий щебень радостей и бед...» (О поэте Игоре Чиннове). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/; *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 77–84; *Носова О.Е.* Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Плюханов Б.В.* Поэт Игорь Чиннов. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

ванчик светловато-серый»¹), на «овеществляющих» метафорических сцеплениях. Как признался поэт в беседе с Д. Глэдом: «...у меня очень много предметов. Это вещественная поэзия... Понемногу и постепенно вещи приобрели у меня индивидуальные черты, не общие»². Прозрения о Боге, памяти как «шуме листопада», онтологической незаполненности душевной жизни, подобной той пустоте, что «ночью под аркой моста», предстают в призме бытовых эпизодов и жестовых, предметных ассоциаций. Движение к собеседничеству с иным миром обнаруживает драматичное столкновение веры и скепсиса; прислушивание к голосу «другого» балансирует на грани подлинности и кажимости, что находит выражение в оксюморонной поэтике – как в стихотворении «Бывает, поддашься болезни...»:

Как будто бы голос далекий
(Не знаю, не спрашивай – чей)
Такой отзывается мукой –
Страшнее больничных ночей...
И скорбью, и болью о мире
(Ты смотришь, платок теребя)
Иное, нездешнее горе,
Как счастьем, пронзает тебя...

Погружение в вещную реальность и метафизическую «скуку» повседневных, насыщенных трагическим переживанием сцен пробуждает в лирическом герое потребность в религиозном чувстве, противоположном заданным представлениям о Боге и вечности:

А дальше что? Что Бог – благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти.
(«Немного рыбы и немного соли...»)

С затаенным сомнением выражаемая жажда «по-детски верить» в конечное торжество бессмертия, в то, что «даже одуванчик сохранится» («В безветренных полях еще весна...»), перерастает у героя Чиннова в вопрошающее, пронизанное тревожным религиозным чувством «незнание» о Боге. В стихотворении «Озаренное небо...» пристальное взглядывание в тварный мир с желанием прозреть присутствие его Создателя («Озаренное небо, и птицы летят. // Что я знаю – о жизни, о смерти, о Боге?») парадоксальным образом преломляется в ассоциации со слепым ребенком, который в напряжении своего существа «чутко слушал... Как смутно шумит за кормой // Голубое, слепому незримое море...»

Сборники Чиннова 1960-х гг.: «Линии» (1960), «Метафоры» (1968) – представляют развитие пейзажно-психологической лирики, явно или косвенно соотносённой с религиозным переживанием. Восприятие таинственной жизни неба, что «светится голубоватым глэтчером» («Видимо, напрасны обращения...»), являет сложное совмещение эстетического чувства, приближения к вечности – и сомнения в личной встрече с Творцом. Колебание поэтической мысли между загадкой бытия и «просто метеорологией» придает речи вопрошающую модальность, в скобочной же «ремарке» проступает главный предмет этих вопрошаний:

¹ Тексты стихотворений И. Чиннова приведены по изданию: *Чиннов И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М., 2000 (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

² *Чиннов И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Письма. М.: Согласие, 2002 (bookscafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_statii_pisma-181016.html#p1).

Видимо, и нет престола Божия:
Только небо, на покой похожее,
Серебрится, бледно золотится.
 Это просто метеорология.
(Отчего заговорил о Боге я?)
Вечереет. Кажется, зарница.

Сквозение инобытия, «следы чего-то другого» в природном мире, неравенство тварного космоса своему земному воплощению передаются у Чиннова средствами импрессионистского письма, в оксюморонной стилистике, обнаруживающей пределы возможностей языка в сфере религиозного познания:

И кажется вдруг, что в мире –
Следы чего-то другого
(Вот так в шевеленье листьев
Невидимый виден ветер).
Как будто сквозь близкий шелест
Ты слышишь далекий голос –
Как будто сквозь дали неба
Так близко далекий голос.

В диалогическом и порой конфликтном соприкосновении оказываются у Чиннова исполненное земными сомнениями и противоречиями личностное «я» героя – и его душа, причастная как явленному миру, так и Божественной вечности, и предощущающая собственное бессмертие («О душа, ты наполнишься осенним огнем...»). Перекликающийся с лермонтовским «Ангелом» (1831) лирический сюжет стихотворения «переводит» романтическое двоемирие в сферу внутренней жизни, повседневных чувственных восприятий и выдвигает на авансцену болезненное повреждение связей между молитвенным языком души и эмпирическим вербальным опытом:

О душа, ты наполнишься осенним огнем,
Морем вечеряющим ты полна.
Души-то бессмертны, а мы умрем –
Ты бы пожалела слегка меня.
<...>
Хоть бы рассказала ты мне хоть раз,
Как сияет вечно музыка сфер,
Как переливаясь, огнем струясь,
Голубеют звуки ангельских лир.

Вопрошающий потенциал религиозного чувства героя поэзии Чиннова зачастую переходит в сниженно-иронический план, соединяясь с переживанием богооставленности человека в частной жизни и истории. Ирония у Чиннова «коренится в особом... метафизическом сомнении, при котором человеческое сознание способно поставить под вопрос любое устойчивое убеждение и тем самым усилить жажду души по истине»¹. В стихотворении «Одним забавы, другим заботы...» ироническая игра словесными созвучиями (забавы – заботы – забвенье, «совесть-повесть», «над горем мира, над миром горя») выражает стремление сохранить душевное трезвение перед зрелищем «оставленного» Богом и «заброшенного» на самого себя мира: «Ночные тени лежат в больницах, окопах, тюрьмах. // Над горем мира, над миром горя лишь ветер ночи». Антитетическая композиция стихотворений «Голод в Индии, голод в Китае...», «А если все-таки

¹ *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 80.

война?..» передает контрастное сочетание раздумий героя о «безразличии» Бога, которое овеществленно-метафорически явлено в дисгармоничном «телесном» существовании мира («Чем-то страшным, тюремно-больничным // Пахнет, друг, мирозданье»), – и настойчивого противления богооставленности, прорывающейся сквозь мучительные вопросы надежды на восстановление оборванного общения с Творцом через проникновение в «текст» Его творения:

...Или небо вечернее, цвета
Бирюзы, сквозь березы –
Это все же обрывок ответа
На молитвы и слезы?

(«Голод в Индии, голод в Китае...»)

В стихотворении «А если все-таки – война?..» знаменательно нечастое у Чиннова обращение к личности Христа, к Которой, хотя и на мгновение, в гипотетическом ключе, путем вопросов и сомнений лирическое сознание приближается в диалоге с нестройным хором голосов воющей современности, обремененной наследием гефсиманской драмы:

А если все-таки – война?
А если – не минует чаша?
Ночь выжидательно темна,
И черный сад – как злая чаша.
(А Гефсиманский сад – шумел?)
И странный, тихий спор (ты слышал?):
– Как много надо искупить...
– Как беззащитно спят и дышат...
– Непрочный мир непрочных дел...
– Да, все, как тоненькая нить,
Но если есть Христос, тогда ведь
Он может – правда? – охранить,
Спасти, остановить, исправить?
– Оставь, не знаю, может быть...

В позднейших сборниках – «Партитура» (1970), «Композиция» (1972), «Антитеза» (1979), «Автограф» (1984) – разворачивается поэтический образ души в ее различных персонификациях и религиозных импульсах. Душа и скептически мыслящее «я» – такова антиномия, составляющая основу лирического сюжета в стихотворениях «Да, утомило, надоело...», «Горькие земные оскорбления...», «В такую ночь весна не окончательна...», «Легкомысленно, прелестно...» и др. В дискурсе бытового разговора, в опредмечивающих ассоциациях «опустелая» душа предстает втянутой в тягостное созерцание хода повседневности, «слушает мольбу о чуде... разглядывая сор», сердце «вертится колесом в усталой колее», в трагико-ироническом свете видит перспективу воскресения для инобытия, где, увы, возобладает «смесь чепухи и требухи»: «Мы в ангельское пение // Превратим мешки обид?» Скептически настроенная мысль властно навязывает душе ироническое восприятие ее жажды неба («Ну, душонка, – Синей птицей... // Над бедой запеть житейской, // Над водой взлететь летейской...»), однако, вопреки рассудочным доводам, душа о вечности «задумалась мечтательно», она «надеется на Божью милость», устремляется к ней сквозь видимую реальность: «И замерцает мартовская лужица // Звездой далекой Вифлеема».

Природно-предметный мир прорисован в зрелой поэзии Чиннова в предощущении встречи с Божеством («И слышно, как молчит закат, // Как бы задумавшись о Боге»), во взаиморастворении быта и бытия и вместе с тем окрашен болевым переживанием ускользающего чувства вечности:

Может быть, мировая скорбь
Не тоска, не скука, не боль
И не грустный Богу укор,
А зубная лишь боль.
– Тоже боль.
Только боль.

(«Даже в полночь – будничным мир...»)

Как и в психологической лирике И. Анненского¹, выступавшей ориентиром для «парижской ноты», недоверие к вечности и отъединенность от Божественной жизни порождает у лирического «я» стихотворений Чиннова своеобразное «двоимирье», становящееся предметом гносеологического осмысления:

И. Анненский. «Который?»*

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

И. Чиннов. «Мир, созданный Богом...»

Мир, созданный Богом, и мир, возникший
Сам по себе...
Который из них, мой ангел притихший,
Понятней тебе?
Философы лгут. И лгут богословы,
Физик, о чем ты? Брось.
Законы природы, закон Иеговы –
То вкривь, то вкось.

*Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л.: Худож. лит., 1988. С. 34.

Характерная для поздней поэзии Чиннова изобразительная манера, основанная на «использовании гротеска, шаржа, иронии, фантастики»² и передающая «неосуществимые попытки поэта проникнуть в тайны бытия»³, его пребывание на пограничье надежды, иронии и отчаяния, служит в том числе созданию собирательного образа обезбоженного мира. В стихотворении «И жало смерти, и победа ада...» сокровенные раздумья о посмертном пути профанируются досужими, овеванными разрушительной иронией домыслами и упираются в водораздел между «пустыми разговорами» и невоплотимым в слове экзистенциальным опытом. Влекомый к интуитивному познанию инобытия, герой Чиннова остро ощущает затерянность удалившегося от Бога человека в смертном существовании, его обреченность на блуждание «в дантовских адских кругах» («Мерзлой густой пеленой...»). Пытаясь превозмочь ужас перед тайной будущего века, он с надрывной иронией сетует на «райскую империю», где «небесный закрыт ресторан», однако не утрачивает до конца упования на возможность предстать «пред очами Его милосердными»: «И, прощая нам наше неверие, // Пригласил нас Небесный Отец...» («Закусили в земной забегаловке...»).

¹ См.: *Налегач Н.В.* Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы).

² *Буслакова Т.П.* Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. С. 299.

³ *Носова О.Е.* Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 17.

Герой Чиннова напряженно вчитывается в евангельский текст, особенно выделяя эпизоды воскрешения Христом умерших людей, и вопрошает о грядущем всеобщем воскресении как «гипотезе», «гиперболе» или все же непреложной реальности («Вы не спорили, русские мальчики...»). «Изобрести» «заменитель вечности» он надеется в единении с близкой, родственной душой («Из белой весенней ночи...»), в укреплении опыта личного богообщения. Проявлениями этого внутренне конфликтного соприкосновения с Богом становятся и рожденный из глубин страдания и «ночного задыхания» полуиронический «суд» над «Винovníком мироздания» («И я свидетель обвинения...»); и страх до конца отпасть от Творца и «билет возвратить» («Где-то светлый Бог...»); и облеченные в гротесково-ироническую форму раздумья о Божественном мздовоздаянии «Великого Архитектора» и «непостижимого Некто» («Кого-то кто-то пожирает...»), не совпадающем с людскими представлениями о вине и невинности; и стремление, в противовес земным условностям, приблизиться к личности Христа, вникнуть в смысл Его крестных страданий:

...Мы прошли в нарядный зал распятий.
Там рубины осыпали густо
Тернии — и раны у запястий...
...Как могли ту кровь, тот пот, те муки
В золото оправить ювелиры?
Как могли художники тот ужас
Превращать в картины и скульптуры?
Бог в музее... Все-таки печальней,
Что замученный Спаситель мира
Украшает розовые спальни,
Заменяет пухлого амура.
(«Мимо мумий...»)

Особенно примечательна редкая у Чиннова непосредственная адресация к Богу как живому собеседнику. Произнесенное в отношении к Богу «Ты» оказывается смысловой сердцевинной стихотворения «В безвыходной тюрьме Необходимости...»:

Мне хочется Господней дивной милости,
Мне хочется блаженной Отчей жалости,
Мне этой безысходности не вынести!
Мне хочется прозрачности, сияния,
Прощения, любви, освобождения,
Свободы, благодати, удивления,
Твоих чудес. Чудес! Преображения!
Мне хочется — из мертвых воскресения!

Итак, религиозные интуиции в стихотворениях И. Чиннова, чуждые отвлеченному богословствованию, пронизывают его исповедальную, психологическую, пейзажную поэзию, обнаруживают разнонаправленные устремления лирического «я», находят отражение в его мемуарной прозе («Памяти Иваска», «Памяти архипастыря и поэта»), парадоксально сопрягая интонации уединенных раздумий о Боге, воскресении, вечности с ироническими нотами, гротесковыми образами и являя антропологическое измерение эпохи утраты и трудного обретения опыта веры.

ЛИТЕРАТУРА

Чиннов И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Сogласие, 2000. 576 с. (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

Чиннов И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Письма. М.: Сogласие, 2002. 352 с. (bookscafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_stati_pisma-181016.html#p1).

Анненский И. Избранные произведения / Сост., вступ. ст., коммент. А. Федорова. Л.: Худож. лит., 1988. 736 с.

Большев И.И. Творческий путь Игоря Чиннова: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 159 с.

Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2005. 365 с.

Ковальчук С. «И мелкий щебень радостей и бед...» (О поэте Игоре Чиннове). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/

Налегач Н.В. Поэтический диалог И. Чиннова с И. Анненским (к постановке проблемы) // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 77–84.

Носова О.Е. Поэзия Игоря Чиннова: истоки, характер, эволюция трагического мироощущения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 19 с.

Плюханов Б.В. Поэт Игорь Чиннов. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

REFERENCES

Chinnov Igor. Works: In 2 vols. Vol. 1: Poems. Moscow. Soglasie Publ. 2000. 576 p. (knigogid.ru/books/217997-t1-stihotvoreniya/toread).

Chinnov Igor. Works: In 2 vols. Vol. 2: Poems 1985–1995. Memory lane. Articles. Letters. Moscow. Soglasie Publ. 2002. 352 p. (bookscafe.net/read/chinnov_igor-sobranie_soch_v_2_t_t_2_stihotvoreniya_1985_1995_vospominaniya_stati_pisma-181016.html#p1).

Annensky I. (1988) Selected Works / Comp., introd. article, comment. by A. Fedorov. Leningrad. 1988. 736 p.

Bolychev I.I. (1999) Career of Igor Chinnov. Thesis. PhD. Moscow. 159 p.

Buslakova T.P. (2005) Russian Literature Abroad: A Course of Lectures. Moscow. 365 p.

Kovalchuk S. “And chippings joys and troubles...” (About the Poet Igor Chinnov). www.russkije.lv/ru/pub/read/kovalchuk-radosti-i-bedy/

Nalegach N.I. Chinnov’s Poetic Talk with I. Annensky (To the Problem Statement). *Siberian Philological Journal*. 2009. No 2, pp. 77–84.

Nosova O.E. (2004) Igor Chinnov’s Poetry: Origins, Nature and Evolution of the Tragic Attitude to Life. Synopsis (PhD). Moscow. 19 p.

Plukhanov B.V. The Poet Igor Chinnov. www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/pljuhanov.pdf

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Iliya B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru